

11. Сефарды — субэтническая группа евреев, пользующаяся языком ладино (сефардским), близким к испанскому. Потомки выходцев с Пиренейского полуострова, живут в странах Северной Африки, Малой Азии, Балканского полуострова, в Израиле.

12. Доминирующей называется партия, играющая в политической системе центральную роль и оттеснившая все остальные. Предложенный М. Дюверже тест на наличие доминирующей партии основан на двух критериях: 1) на протяжении длительного времени она должна получать значительно больше голосов, чем любая другая и 2) отождествляться с идеями, стремлениями и ценностями, господствующими в этот период в обществе.

13. Нойбергер Б. Указ. соч.

14. В 1973 г. членом ГАХАЛ стал популярный генерал А. Шарон.

15. Гольдберг Г. Партии в Израиле — от массовых к электоральным. Тель-Авив, 1992.

16. Ариан А. Политическая жизнь и государственный строй Израиля. Тель-Авив, 1985.

17. Запирающий блок — расстановка политических сил в парламенте, при которой группа фракций, идейно близких друг другу, имеет в совокупности абсолютное большинство мандатов, что исключает приход к власти противоположного лагеря, даже в случае присоединения к нему промежуточных и маргинальных партий.

18. Нойбергер Б. Указ. соч.

Владимир Геннадьевич БОГОМЯКОВ —
зав. кафедрой политологии
факультета истории и политических наук,
доктор философских наук, профессор

УДК 32.001

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КОНСЕРВАТИЗМА

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются проблемы современного политологического знания, методологические аспекты исследования консервативного сознания, опыты типологии консерватизма.

The author analyses problems of contemporary political knowledge, methodological aspects of a conservative mind, and experiences of Conservatism typology.

Идеология консерватизма — один из важнейших структурных компонентов современного идейно-политического пространства. В нашей стране совсем недавно слово «консерватор» являлось удобным ярлыком, который либерал-реформаторы навешивали на своих оппонентов. Однако в 1990-е гг. мы видим возрождение консерватизма: в обществе активизируются силы, заявляющие о ценности русской культурной и политической традиции; о приоритете морального начала в жизни социума в противовес идее «зооморфического общества» (Н. Ф. Федоров), в котором царит капиталистический утилитаризм; о «русской идее»; о гибельности скороспелых реформ и одномерно-плоской вестернизации. На Западе вслед за левыми 1960-ми прокатывается консервативная волна 1970–80-х гг.: многие бывшие либералы и социал-демократы заявляют о том, что либеральная демократия может быть опасна сама для себя; о том, что охрана свободы и демократии от произвола социальных групп предполагает существование сильного стабильного государства; о том, что глобальные проекты построения Царства Божия на Земле лучше заменить трезвой политикой малых дел; о том, что разумная свобода требует авторитета и порядка [4, с. 325–327].

Несмотря на важность консервативной идеологии и той роли, которую она играет в современном обществе, консерватизм сейчас идентифицируется с большим трудом. Студенты, изучающие политологию и историю политических учений, зачастую испытывают большие затруднения, не понимая, почему столь разные по своему мировоззрению мыслители могут быть отнесены к консервативному лагерю. Консерватизм традиционно противопоставлялся либерализму, но в реальности между ними постоянно существуют связи и компромиссы. Так, Б. Н. Чичерин — это русский «консервативный либерал». Майкл Оакшотт, которого принято считать консерватором, по целому ряду позиций обнаруживает совершенно либеральную точку зрения. Славянофилов одни современные русские политологи относят к консерваторам [5], другие же — к либералам [11]. К концу XX в. происходит своего рода историческая инверсия и требования классического либерализма (свобода рынка, ограничение государственного вмешательства в различные сферы общественной деятельности и проч.) начинают пониматься в качестве консервативных. Многие либералы сегодня воспринимают идею сильной государственной власти, первоначально выдвинутую консерваторами, в качестве одного из компонентов современного либерального сознания. В учебниках консерватизм трактуется как тип мышления, предполагающий отказ от любых форм экстремизма и поэтому противостоящий и радикальной, и крайне правой ультрареакционной идеологии (таковой многие авторы считают, скажем, взгляды М. Н. Каткова после 1863 г.). Однако в XX в. возникает феномен «консервативной революции». Это радикальное течение, формирующееся в 1920-х гг. после Первой мировой войны (особенно в Германии), противопоставившее анархии и индивидуализму ценности коллективной солидарности и общественного порядка. Антилиберальная, антибуржуазная «консервативная революция» подготовила почву для национал-социализма (Э. Г. Юнгер с восторгом писал о государстве как о «всесильной человеко-технической тотальности»). Консерватизм традиционно принято считать противником революционного и социалистического сознания. Но некоторые исследователи указывают на родственность многих положений, выдвинутых так называемой группой Солсбери, стоящей на позициях культурного консерватизма, и различными социалистическими учениями [1, с. 251]. Можно было бы привести еще огромное количество примеров, но и перечисленное, по нашему мнению, весьма убедительно иллюстрирует трудности идентификации консерватизма.

Данные трудности можно было бы объяснить сложной диалектикой охранительного и прогрессорски-освоительного аспектов человеческой деятельности. Прогрессивное «движение вперед» всегда предполагает консервацию тех или иных элементов социальной жизни и, наоборот, консервативное сознание крайне редко надеется вернуть прошлое в его совершенно неизменном виде, признавая неизбежность и, может быть, даже желательность перемен в определенных сферах общественной жизни. Но такого объяснения было бы явно недостаточно. Интересно наблюдение М. Ремизова, который пишет, что в отличие от либеральной и марксистской систем мысли (демонстрирующих, с одной стороны, плотность идеологически самодостаточного языка, связанную с нацеленностью на некие всеобщие абстрактные принципы общественного развития, с другой же стороны, демонстрирующих периферийность собственного экзистенциального статуса), в консервативной мысли всегда присутствовал антропологический референт, укорененность в авторитете автора. Э. Берк, Ф. Ницше, О. Шпенглер, К. Н. Леонтьев — все это философия и политика от первого лица. Перед лицом массы пафос дистанции, вертикаль, ранговые иерархии, перестав быть феноменом социальной действительности, становятся феноменом консервативного текста, переживание фокусируется на яркой личности автора [9, с. 28]. Далеко неспроста многие консервативные авторы в своих работах настаивали на том, что у консерватизма нет рациональной фило-

софии, не создано целостной идеологии и системы абстрактных политических идей. Идентификация консерватизма становится особенно сложной задачей в условиях господства постмодернистского сознания, декларирующего децентрацию, отход от любых бинарных оппозиций и необходимость нелинейных способов организации целостности. Концепция «ускользания линии» предполагает отказ от понятий «позиция» и «точка», что делает консервативную точку зрения размытой, неопределенной, фантомной [8, с. 855]. Нынешняя эпоха зачастую предпочитает идеологию «видеологии» (М. Эпштейн), умелому калейдоскопу ярких зрительных образов на сетчатке человеческого глаза. Принимая во внимания все эти объективные обстоятельства, следует, однако, указать и на недостаточную разработанность понятия «консерватизм» в науке. Это, в частности, проявляется в отсутствии таких классификаций консерватизма, которые охватывали бы все аспекты данного идейно-политического течения.

Прежде чем перейти к типологии консерватизма следует все-таки сказать несколько слов о его сущности. Несмотря на то, что не было создано целостной идеологии консерватизма, консервативные течения обладают устойчивым ядром фундаментальных качеств, как считают многие авторы, и в частности — К. Мангейм. Рассмотрим эти фундаментальные качества. Батлер писал о том, что консерватизм — это не просто склад грошовых теорий, но склад ума и образ жизни. Иначе говоря, консерватизму мало рамок собственно идеологии и он стремится к тому, чтобы быть чем-то большим в жизни человека. Вырастая из угрозы своему образу жизни, своему жизненному миру, угрозы, которую в определенные исторические периоды испытывают разные слои населения, консерватизм претендует на возвращение утраченной гармонии и целостности. Поэтому консерватизм может восприниматься в качестве очень человеческого движения, возвращающего нарушенную жизнь к ее истокам. «Консервация» имеет смысл по отношению к определенному иерархически организованному символическому порядку, который разрушает массовое общество, считает М. Ремизов, и приводит слова Бодрийяра о том, что массовое общество есть «остаток рассеивания символического порядка» [9, с. 26]. По нашему мнению, М. Ремизов совершенно не прав, когда он пишет: «Всякий консерватизм как идеология выходит на сцену тогда, когда консервировать уже поздно» [9, с. 26]. Кто, говоря об истории, может со стопроцентной уверенностью сказать, какие шансы безвозвратно утрачены и какие возможности пропали? Точка зрения М. Ремизова предполагает идею прямолинейного поступательного развития общества, неотвратимости общественного прогресса, за которым нужно успевать, чтобы не быть сброшенным с «корабля современности»; предполагает наличие ситуаций «иного не дано», социальных кризисов, с которыми связана неизбежная гибель определенных общественных устоев. Утверждение постклассической парадигмы в социальном познании, нацеливающей и плюрализм и полиструктурность гносеологических подходов на полиэкранность и холизм в осмыслении жизни общества, а также на отказ от монизма, фундаментализма и редукционизма, позволяет усомниться в безвозвратности утраченных возможностей и в фатализме процессов, которые определенные социальные силы могут объявить кризисными. (М. Фуко не признает эпистемологическую значимость самого понятия «кризис» в применении к жизни общества, т.к. понятие это, по его мнению, некритично заимствовано из области древнегреческой медицины [10, с. 151]).

Одной из основных черт консерватизма является ее апелляция к истории (традиции), в отличие от либерального сознания, от доктрин Просвещения с их апелляцией к всемогуществу разума. Так, Э. Берк писал о том, что данный подход неминуемо приводит к тому, что мы начинаем воспринимать собственную страну в качестве чистого листа бумаги, что, разумеется, есть непростительная самонадеянность. Апелляция к истории, по Э. Берку, — это опора на институты, выдержав-

шие проверку временем, на медленный естественный рост общества, оказывающего на людей упорядочивающее и дисциплинирующее воздействие, на религию как важнейшую силу поддержания гражданского порядка, на кодекс поведения, который защищает и против тиранов, и против эксцессов анархического индивидуализма (и тирания, и анархизм проистекают из одного источника — отказа от традиций). Э. Берк писал о примитивности взглядов французских революционеров, считавших, что можно победить зло, разрушив внешние его проявления, создавших фальшивую панацею экстремистской демократии [1, с. 222–234]. И для современной консервативной «группы Солсбери» идея исторической преемственности, опоры на культурные, национальные, религиозные традиции является основополагающей. Абстрактному рационализму и либерализму авторы «группы Солсбери» противопоставляют ценности высокой культуры, являющиеся основой социальной и политической стабильности общества.

Другой важнейшей чертой консерватизма следует назвать отказ от всеобщих принципов анализа и управления обществом (к чему склонна либеральная и марксистская мысль) и понимание преимуществ конкретного, осознание того обстоятельства, что природа человека и общества слишком сложна для того, чтобы ее можно было выразить с помощью неких простых тезисов. Одна из стержневых идей различных консервативных концепций — уверенность в том, что социальные институты должны возникать не на основе неких абстрактных принципов, а из самого хода событий, из самой жизни. Конкретное жизненно, и это хорошо выразили Леонтьев в своем учении о «цветущем многообразии», и Ф. М. Достоевский в идее почвенничества. Для Э. Берка политические неудачи современной ему Франции проистекают именно из-за абсолютизации всеобщего; из-за отказа учитывать специфику места, времени, обстоятельств и действующих субъектов. В условиях постмодернистского «отказа от метаповествований» (Ж. Ф. Лиотар) данная черта консерватизма может быть истолкована в качестве весьма современной. С описанной характерной чертой консерватизма связано то, что консервативные мыслители, не желая обсуждать абстракции, всегда тяготели к индуктивному стилю мышления, тогда как либералов всегда больше привлекала дедукция. С этой же чертой связан прослеживаемый в работах консерваторов отказ от атомизации объекта и построения механистических моделей и ориентация на органические принципы понимания социальных объектов, на холистическое, по сути дела, мышление [2, с. 47–64]. С холистическим мышлением связано обостренное чувство преданности по отношению к национальной общности, всегда отличавшее консерваторов; понимание не только человеческого измерения Я, но и измерения Мы; стремление к гармонии в отношении общественных институтов и индивидуального опыта, свободы и порядка. Сказанное позволяет понять, почему Д. Блур пишет о том, что консерваторы конкретное предпочитают абстрактному, историю — разуму, практику — теории, норму — правилу, жизнь — мышлению [2, с. 52].

Теперь обратимся к типологии консерватизма. Распространенной является классификация, которая выделяет в современной консервативной политической идеологии три типа: а) традиционализм; б) неоконсерватизм; в) авторитарный консерватизм [6, с. 126]. Традиционализм делает упор на необходимости сохранения социальных устоев и моральных традиций, присущих рыночному капитализму, а в некоторых случаях, и феодализму. В отличие от Э. Берка, считавшего свободу продуктом социального порядка и общественной дисциплины, современные консервативные традиционалисты нередко стоят на позициях крайнего антиэтатизма и неограниченной свободы индивида. Вторая разновидность консерватизма — неоконсерватизм, по сути дела, во многом совпадает с неолиберализмом. Неоконсерватизм, в свою очередь, делит на либерально-консервативную его разновидность, где антиэтатизм и тезис о неограниченной свободе индивида наибо-

лее сильны (по сути дела это экономикоцентристское направление, представленное именами Ф. А. Хайека и А.Фридмана), и христианскую демократию, где концепция органического общества и здорового государства, способного регулировать поведение людей, продолжает сохранять большое влияние. Третья разновидность консерватизма – авторитарный консерватизм или консервативный национализм, отстаивающий сильное государство и придающий большое значение национальному единству, национальной гордости и проч. Есть иные классификации, отличающиеся по некоторым частным моментам, но в целом очень похожие. Так, учебник политологии под редакцией М. Н. Марченко тремя течениями современного консерватизма называет традиционалистское, либертариистское и неоконсервативное течения [7, с. 154]. Рассмотренные типологии, безусловно, отражают в общих чертах некоторые направления современного консервативного сознания, но им не хватает универсальности (отметим, что согласно некоторым подходам, консерватизм есть вневременная система универсальных ценностей общественной стабильности и порядка). Они оставляют без внимания мировоззренческие основания идейно-политических позиций и применимы лишь к современной западной политической мысли, тогда как консервативные идеологии принципиально национальны. В качестве дополнительной назовем классификацию, которая основывается на характере главной идеи, выходящей в том или ином консервативном учении на первый план. В рамках этого подхода мы можем говорить о консерватизме экономическом, культурном или, скажем, о консерватизме аристократическом, технологическом, антропологическом. Можно предложить типологию, где основным типологизирующим моментом для консервативных течений является степень выраженности идейных исканий в деятельности политических партий консервативного толка. С точки зрения анализа современного консерватизма этот аспект представляется весьма существенным, поскольку консерватизм разных стран сегодня в этом отношении значительно различается: например, в США после 1980-х гг. он предстает преимущественно как идейное течение, тогда как в западноевропейских странах получает форму политических партий. Полезной могла бы оказаться классификация, основывающаяся на различном подходе к соотношению принципов сохранения и эволюции в общественной жизни. Названные типологии также носят характер достаточно поверхностный и технически-описательный и оставляют без внимания мировоззренческие, онтологические аспекты консервативного сознания.

Этот пробел определенным образом восполняет классификация консерватизма, предложенная М. Ремизовым, который, анализируя консервативное сознание, выделяет в нем общие каркасы онтологических презумпций с соответствующими антропологическими модусами. Первый каркас может быть условно назван традиционалистским консерватизмом. Консерватизм как интеллектуальная и эстетическая реконструкция утраченной полноты жизни очень чуток к остаткам символического порядка в современном мире. Эти остатки кристаллизуются в политических идеологиях, в порядках идей и человеческих типов. Первый тип в каркасе традиционалистского консерватизма М. Ремизов называет «рыцари невозможного» [9, с. 29]. Данную позицию названный автор рассматривает как жизнь в осколках прошлого, существующего в настоящем; жизнь вне времени, внутри собственной предыстории. Потеряв возможность быть охранителями в непосредственном социально-политическом смысле (с некоторых пор невозможной стала охрана монархической легитимности и сословной чести), «рыцари невозможного» оставляют в полной неприкосновенности охранительную метафизику, выступающую как система представлений о трансцендентном порядке. Однако без наполненности функционально-политическим смыслом эта метафизика обречена быть пустой. Поэтому, считает М. Ремизов, упорствующий в охранении

тельной метафизике консерватор часто сам себя лишает санкции на участие в политической борьбе. В качестве примера он приводит «монархический легитимизм», появляющийся в условиях революционного вызова, но, на самом деле, лишь механически повторяющий требования законности в условиях, где сами основы закона отрицаются. «Рыцарь невозможного» обладает прекрасодушным сознанием, заранее уготовившем его носителю роль благородной жертвы. Этот тип предполагает своеобразную социально-политическую маниловщину и консервативный эскапизм.

В этом же каркасе традиционалистского консерватизма находится второй тип, вроде бы совершенно непохожий на первый, но, по мнению М. Ремизова, имеющий сходные онтологические презумпции. Этот тип носит название «реалисты или консерватизм статус-кво» [9, с. 32]. «Реалисты» участвуют в настоящем, поскольку настоящее для них — это лишь «последняя точка, до которой достигло прошлое». Они охлаждают пыл радикалов, стремящихся решить корневые вопросы социального бытия быстрым и решительным натиском. Их реализм имеет природу более глубокую, чем обыденно-политическое измерение: они реалисты и в мировоззренческом, и в теоретико-познавательном смысле. Общество, его стабильное функционирование и универсальные условия социального порядка — это истина в себе, нередуцируемая бытийная предпосылка, не нуждающаяся в схоластической аргументации. (В определенном смысле противоположная позиция выражена в работах Ф. Ницше, считавшего иллюзией имманентной социальной действительности и видевшего в душе каждого политического деятеля царство слепоты и несправедливости). «Реалисты» считают хорошим тоном отставать от своего времени на полшага и поэтому их консерватизм со стороны часто выглядит как некоторая старомодность. В социологическом смысле носителями «консерватизма статус-кво» являются бюрократы. Субъективно-лично же такой консерватизм выступает для субъекта всегда в качестве компромисса между собой и действительностью. Позиция умеренно-правого «реализма» может быть расценена как изоциренная форма конформизма по отношению к телеологии утопического времени. Антитезой консерватизма данного типа, несомненно, является радикализм. Анализ «консерватизма статус-кво» предполагает решение вопроса о том, насколько реалистичен данный реализм: ведь если социальная реальность переполнена пустотой или же в ней нет ничего, кроме «общества спектакля» (Ги Дебор), то опасно быть ангажированным такой реальностью и погружаться в нее с головой. Именно это имеет в виду М. Ремизов, когда пишет о жалкой участи быть центристом в условиях патологической разбалансировки [8, с. 44].

Второй каркас — радикальный консерватизм. Первый тип в этом каркасе носит название «циники или радикальные реалисты» [9, с. 35]. Циники-реалисты выступают от имени неких фундаментальных реалий, некоей базовой действительности, которая и является истиной в последней инстанции. Истина эта позволяет проявить скепсис по поводу успехов социального прогресса и счастливого конца истории. Базовая действительность оказывается жизнью в ее непосредственном понимании как сферы действия инстинктов, неумолимости борьбы, неизбежности смерти. И. Ф. Ницше с его «пессимистической антропологией» и А. Шопенгауэр, утверждающий, что «человек — это хищник», с полным правом могут именоваться «циниками или радикальными реалистами». Над жизнью нет и не может быть ничего. Она единственная позитивна. Конечно, такая позиция не может не вести к имморализму, к ориентации на результат, а не на морально безупречный образ действий. И. Ф. Ницше говорит о текучести всех понятий и отсутствии всякого различия между человеком и животным. Однако это точка зрения не для всех, поскольку став достоянием общественного сознания, такие идеи могут оказаться смертоносными. У Парето элита, одержавшая верх, оправдана самим фактом сво-

его успеха. М. Ремизов цитирует в своей статье слова У.Слотердайка о том, что в сердцевине консервативного сознания лежит поэтика «суровых фактов», убеждение в изначальной жестокости мира (здесь можно вспомнить «концепцию реализма в политике», где политическая жизнь предстает как набор «реальностей», которые на поверку оказываются внеморальными примитивными государственными интересами: стремлением к экспансии, природным ресурсам, расширению сфер влияния и проч.). Наоборот, представление о преходящем характере политического господства, экономической экспансии или войны — это то, что объединяет «левых», убежденных, что по мере прогрессивного развития общества мера добра в человечестве возрастает.

Вторым типом в каркасе радикального консерватизма оказывается **контр-элитный экстремизм** [9, с. 39]. Он возрастает на почве «цинического разума» и может быть взят на вооружение социально обездоленной контр-элитой. Для экстремизма характерен «апофеоз субъекта»: для фашизма любая историческая конструкция — это всего лишь фикция, которую следует уничтожить в пользу прорывающегося сквозь историческое время действия (К. Мангейм); история в любой момент может развиваться в любом направлении при условии, что достаточно сильная воля навяжет ей свое движение (Ален де Бенуа). Консервативные экстремисты приходят к чистому волюнтаризму, который один способен предотвратить упадок действительности. Если консерватизм статус-кво не может глубоко поставить вопрос об упадке действительности в силу своего компромиссного характера, то последние два типа ставят такой вопрос от имени действительности, по их мнению, более фундаментальной; и концепция упадка действительности имеет здесь в своей основе вовсе не моральную оценку, но онтологическое суждение.

Типология консерватизма на основании онтологических презумпций представляется очень перспективной и существенно дополняющей данные классификации. Однако она тоже оставляет вне поля своего зрения многие проявления консервативного сознания. Так, существует сфера фрагментарного, меняющегося в зависимости от ситуации, неустойчивого консерватизма, где он проявляет себя в диапазоне от проявления набора определенных психических свойств до выработки последовательного целостного мировоззрения. Анализ фрагментарного, неустойчивого консерватизма, очевидно, потребовал бы специфической методологии (может быть, чего-то вроде номадологических подходов, предложенных Ж. Делезом). Тип «рыцарей невозможного», таким образом, имеет огромное количество отличающихся друг от друга модификаций, поскольку: а) «невозможное», при определенных обстоятельствах, становится возможным; б) осколки прошлого редко бывают совершенно пассивными, но, напротив, активно взаимодействуют с социальной реальностью, вплетаясь в ее ткань. То же самое можно сказать о «консерватизме статус-кво», ибо компромисс с реальностью может принимать существенно различные формы. Что же касается «радикальных реалистов», то базовая действительность, от имени которой вершится суд над настоящим, тоже может пониматься по-разному: от социальных и антропологических идеалов до идеалов «совпадения с вселенским движением», «лирики состояний неживой материи» (К. Малевич) и дочеловечески-природного витализма. Например, русский художественный авангард начала XX в., обращенный в эсхатологическое будущее, совпадающее с абсолютным прошлым, ставил своей задачей практическую трансформацию человека, превращение его в квинтэссенцию природных энергий. Здесь уже нужно говорить об ином типе консервативного сознания, о **«консерваторе-алхимике»**.

Следует также отметить, что анализ русской консервативной мысли требует использовать специфическую типологию. Так, на основании особенностей русского консерватизма, выделяемых его исследователем В. А. Гусевым [3], можно предло-

жить классификации, построенные: а) на интерпретации формулы «православие-самодержавие-народность» (какой элемент в данной формуле ставится на первый план); б) характере антизападничества; в) степени универсальности, то есть приемлемости для других стран и регионов. Нынешний возрождающийся российский консерватизм дифференцируется: а) по приоритетности возрождения и укрепления российской государственности внутри РФ или восстановления единого государства в рамках СССР; б) подходу к России как к отдельной геополитической единице или как к центру евразийского блока; в) отношению к социалистическому периоду как к провалу или же как к одному из исторических этапов, отвечающих русскому менталитету. Понимание специфики бытования консервативной мысли в России чрезвычайно актуально сегодня, когда в связи с неудачами либерально-реформаторского курса, трагическим размежеванием демократической и государственнической идей в 1990-е гг., тоской населения по стабильному обществу, консервативные идеи становятся все более востребованными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Т. А. Современные политические теории. М., 2000.
2. Блур Д. Витгенштейн как консервативный мыслитель // Логос. 2002. № 5-6.
3. Гусев В. А. Русский консерватизм // http://conservatism.samara.ru/articles/artic/Gusev_ru.html.
4. Новейший философский словарь. Минск, 1998.
5. Осипов И. Д. Философия русского либерализма (XIX – начало XX века). СПб., 1996.
6. Политология. Краткий словарь. Ростов н/Д, 2001.
7. Политология. Курс лекций под ред. проф. М.Н. Марченко. М., 2000.
8. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
9. Ремизов М. Опыты типологии консерватизма // Логос. 2002. № 5-6.
10. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002.
11. Цымбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.

*Галина Михайловна ЗАБОЛОТНАЯ —
профессор кафедры политологии
факультета истории и политических наук,
доктор социологических наук*

УДК 32.01

ПРОБЛЕМА ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные подходы к определению содержания публичной сферы, представленные в современной политической теории, показывается значение публичной сферы для развития гражданского общества.

The author observers the main approaches to the definition of the public sphere content, represented in contemporary political science, as well as the importance of public sphere for the development of civil society.

Проблема публичной сферы является сравнительно новой в научном дискурсе. Интерес к ней со стороны западных обществоведов был стимулирован английс-